

Е. К. Чернухин
канд. филол. наук
Институт истории Украины
НАН Украины

**О ТРЕХ ГРЕЧЕСКИХ АВТОГРАФАХ В СОБРАНИЯХ
ИНСТИТУТА РУКОПИСИ НАЦИОНАЛЬНОЙ
БИБЛИОТЕКИ УКРАИНЫ ИМЕНИ В. И. ВЕРНАДСКОГО**

Статья посвящена трем греческим автографам, хранящимся в фондах Института рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. Два из них (ИР НБУВ, ф. 72, 62) принадлежат известному историческому лицу полковнику Аристиду Хрисовери (1809–1889), уроженцу Месиврии, проживавшему в юности в Одессе, участнику борьбы греческого народа за независимость (1821–1829), а позднее, в 1853 г., вступившему в число греческих волонтеров для участия в кампании 1853–1856 гг. Один из его автографов озаглавлен «Падение Севастополя. Отрывки из сочинения “Прибытие А. Хрисовери в Россию”» и представляет собой краткую эпитафию городу, оставленному его защитниками 28 августа 1856 г. Другой автограф представляет собой восемь четверостиший, сочиненных в память спасения жизни императора Александра II после известного покушения 4 апреля 1866 г.

Третий из автографов (ИР НБУВ, ф. V, 3654) представляет собой неоконченное заявление с просьбой принять его составителя под покровительство Российской империи. Сравнение греческого текста с русским в реляции генерал-лейтенанта И. Н. Инзова к графу И. Каподистрии от 5 (17) апреля 1821 г., записанным со слов посланца Али-паши (Тепелина) Константина Хаджи-Георгиу, позволяет предположить, что в Киеве находится именно тот греческий текст, который был записан собственноручно Константином Хаджи-Георгиу для И.Н. Инзова и последующего перевода. Он датирован 31 марта (12 апреля) 1821 г. и был приложен к отношению.

Все три автографа могли поступить в Киев в составе собрания рукописей Одесского общества истории и древностей в 1945 г.

Аристид Хрисовери

В истории новогреческой литературы имя Аристида Хрисовери недостаточно известно, хотя из-под его пера вышло несколько

Рис. 1. Предводитель греческих волонтеров греческий капитан Аристид Хрисовери. Тоновая литография.
(Русский художественный листок. 1854. – № 25)

пространных поэтических произведений¹, изданных скорее вследствие настойчивости автора, чем литературных достоинств самих творений². Вряд ли знакомо его имя и тем, кто, питая слабость к истории Греции и владея новогреческим языком, читает произведения греческих историков, посвященные их родине, несмотря на то, что Аристид Хрисовери и в этой области оставил след, опубликовав «свою» историю греческой революции 1821 г.³ Попытки найти имя нашего героя на страницах новогреческих энциклопедий и справочников вероятнее всего также обречены на неудачу. Не жалуют его и создатели новейших систем компьютерного поиска. Тем не менее, существуют страницы истории, которые невозможно представить, не упомянув о полковнике Аристиде Хрисовери и его деятельности, продолжающей вызывать неоднозначные оценки редких, но дотошных исследователей.

Одним из пиков жизненной активности полковника стали события Русско-турецкой войны 1853–1856 гг., в частности связанные

с военными действиями союзных войск Великобритании, Франции и Турции в Крыму, главным образом во время осады Севастополя. Военные историки, конечно, знают, что деятельное участие в этой войне приняли также волонтеры, прибывшие из пределов Греческого королевства или Османской империи. После ряда боев на западных границах Российской империи театр военных действий переместился на Крымский полуостров, где греки-добровольцы, уже принявшие боевое крещение в боях на Дунае⁴, составили Греческий легион, получивший с весны 1855 г. название «Легион императора Николая Первого». Событиям 1853–1856 гг. посвящен ряд исторических исследований⁵, в основном верно отражающих ход и характер боевых действий греческих подразделений, заслуги их личного состава, особую храбрость и героизм отдельных легионеров во время крымской кампании⁶. Тем не менее, полной и исчерпывающей истории формирования и деятельности существовавших в России греческих подразделений, в частности Легиона императора Николая I, в историографии еще не существует; нет и документированного анализа боевых действий этих подразделений в период Крымской войны, что позволяет исследователям высказывать разновекторные оценки деятельности греческих военных формирований как в целом, так и непосредственно во время Крымской войны, ставшей главным событием в их более чем полувековой истории⁷.

Говоря о Греческом легионе и его командующих, трудно не упомянуть Аристиду Хрисовери, формально – командира одной из пяти рот легиона, а неформально – одного из харизматических лидеров подразделения и вероятного конкурента тех военачальников, которым в силу различных обстоятельств было поручено его возглавлять⁸. Отношение самого А. Хрисовери к своему непосредственному начальству достаточно сложно и представляет главный предмет его воспоминаний о кампании 1853–1856 гг., написанных в Одессе в 1882 г. и опубликованных там же пятью годами позднее⁹. К сожалению, книга никогда не переводилась на русский язык. В своих воспоминаниях автор уделяет мало внимания описанию боевых действий, сосредоточившись скорее на личных переживаниях и обидах. При этом, с одной стороны, он не скрывает некоторого пренебрежения к своему начальству, а с другой, подчеркивает свое нежелание бороться за формальное лидерство, по крайней мере за место официального заместителя командира подразделения, что могло бы частично удовлетворить его амбиции. При же-

лании поведение А. Хрисовери легко объяснить боязнью взять на себя полную ответственность за разношерстный личный состав и часто непредсказуемые действия легионеров, тогда как занятая им позиция позволяла резко критиковать начальников, оставаясь как бы в стороне от тех событий, которые привели в конечном счете к массовому дезертирству и выведению легиона из зоны боевых действий¹⁰, с чем главным образом и связана неоднозначность оценки роли греческих волонтеров в Крымской войне.

Мог ли в действительности Аристид Хрисовери возглавить, пусть и неофициально, Греческий легион и избежать ошибок его формальных командиров? Думаю, что нет. И не только потому, что он был добровольцем, прибывшем вместе с другими иностранными гражданами для защиты России и православия лишь в 1853 г. И не потому, что в силу известных дворцовых и штабных интриг на это место было достаточно претендентов. На мой взгляд, ответ кроется в характере самой личности полковника, оставившего весьма неординарные следы не только в тех местах, где ступала его нога, но и в других, отвлеченных, сферах человеческой деятельности, в которых так или иначе проявился его яркий характер.

К сожалению, мне не удалось обнаружить специальных работ, посвященных Аристиду Хрисовери. Сведения, которые предлагаются, вытекают большей частью из его собственных произведений, из редких исторических исследований, в которых упоминается его имя, и из моих собственных дедуктивных умозаключений. Родился Аристид Хрисовери в Месимврии (Восточная Фракия) в 1809 г.¹¹ Поскольку на исторической арене он появляется уже в звании лейтенанта греческой королевской армии, можно было бы предположить, что он окончил одну из военных школ новообразованного греческого государства. Однако просмотр доступных мне книг регистрации присвоения воинских званий за 1830-е годы в Военном музее в Афинах не выявил выпускника с таким именем. Очевидно, воинское звание было получено им еще до основания греческих военных школ. Греческий историк Константин Авгитидис пишет о том, что Аристид Хрисовери прибыл в Грецию из России, где он учился в Одесском коммерческом училище¹², и выехал в 1821 г. на Балканы для участия в освободительной борьбе¹³. Эти утверждения об участии Аристида Хрисовери в революции 1821 г. и войне за независимость Греции трудно подтвердить документально (тем более, что к началу войны за независимость ему исполнилось всего

лишь 12 лет). Таким образом, точное время прибытия Аристида Хрисовери в восставшую Грецию остается неизвестным. Поскольку боевые действия, включая гражданскую войну между сторонниками различных партий, продолжались с 1821 до 1829 г., вероятнее всего, он действительно успел принять участие в боевых операциях, был удостоен ряда воинских наград и младшего офицерского звания.

В связи с вышеизложенным возникает ряд вопросов, на которые пока нет ответов. Например, в какой мере и другие учащиеся греческого училища в Одессе приняли участие в событиях 1821 г. в Греции, какую роль в жизни Аристида Хрисовери сыграла греческая тайная организация «Филики Этерия»¹⁴ и ее основатели, современником которых он являлся, не был ли он, наконец, прямо связан с кругом лиц, поддерживавших Александра Ипсиланти? Не совсем ясно и то, где он конкретно находился и чем занимался непосредственно после победы греческой революции, а также после Крымской кампании.

За неимением архивных данных обратимся к произведениям самого А. Хрисовери. Похоже, что конструктивные идеи, охватившие греческое общество после образования в 1831 г. собственного государства, повлияли и на нашего героя, решившегося создать собственную семью. Однако уже в конце 1835 г. Аристид Хрисовери оказался в тюрьме, а затем и в больнице, где и составил две речи¹⁵, в которых с присущей ему многословностью излагает обстоятельства своего уголовного дела. Первая из речей обращена, по-видимому, к защитнику А. Хрисовери, а вторая – ко всей широкой общественности, включая короля Греции. Блестяще владея современной ему риторикой и обладая от природы даром красноречия, Аристид Хрисовери не оставил нам ни единого шанса понять, что же в действительности произошло и за что конкретно он привлекался к ответственности. Внимательное изучение его витиеватых речей позволяет предположить лишь следующее. Объектом его притязаний была довольно бедная особа, возможно, сирота, снисходительно и довольно продолжительное время принимавшая не только специфическое внимание героя революции, но и значительную материальную помощь. Имело место и официальное обручение, что, впрочем, совершенно естественно для того времени. Поводом для инкриминируемого А. Хрисовери преступления послужила неверность невесты. В обеих речах обвиняемый признает факт преступления и «просит для себя смерти» как избавления от страданий,

причиненных ему как самим фактом неблагодарности невесты, так и всеми последовавшими событиями, под которыми следует понимать ее убийство, арест обвиняемого и его последующее тюремное заключение. Поскольку, как мы узнаем из предисловия к одному из произведений А. Хрисовери, он провел в тюрьме пять лет, следует заключить, что суд присяжных принял во внимание то, что преступление было совершено в состоянии аффекта, спровоцированного поведением жертвы, а также учел особые заслуги подсудимого.

Хотя подробности участия Аристиды Хрисовери в национально-освободительном движении 1821–1829 гг. остаются неизвестными, совершенно очевидна его политическая активность в середине и конце 1840-х годов. Похоже, что судебный приговор не прервал военной карьеры молодого офицера, продолжившего после освобождения службу в различных городах Греции. О местопребывании и воинских званиях А. Хрисовери узнаем из его неоднократных публичных выступлений в столичной прессе тех лет. Тематика их достаточно разнообразна, а взгляды автора довольно прогрессивны. Примечательна, например, активная «панэллинистическая» позиция А. Хрисовери в «вечном» греческом вопросе о правах греков, прибывающих на постоянное место жительства в пределы того или иного конкретного греческого полиса или государства¹⁶. Нетрудно предположить, что предприимчивый и уже немолодой офицер, засидевшийся в лейтенантах, не раз подумывал о каких-то доступных ему формах самоутверждения в тогдашнем обществе, крайне консервативном и не склонном к изменению сложившихся к тому времени основ. За идеями не стоило ходить далеко. Как известно, Греческое королевство объединило лишь незначительную часть греческих земель, и вопрос их освобождения продолжал занимать умы греков, особенно ветеранов революции. Кроме того, на А. Хрисовери не могло не повлиять то, что начало греческой революции навечно связано с основанием и деятельностью тайного общества «Филики Этерия» в столь близкой ему Одессе. Таким образом, нетрудно догадаться, что следующим этапом в деятельности А. Хрисовери стало основание тайной организации, ставящей своей целью борьбу за освобождение всех населенных греками земель и включение их в единое Греческое государство. Общество под названием «Братство благовещенных»¹⁷ было основано 20 июля 1849 г.¹⁸ В тот день в его ряды записалось два человека, причем один из них – А. Хрисовери, в качестве «отца» братства. До конца года список

увеличился на 19 позиций. В следующем 1850 г. в братство вступили еще 17 членов и в 1851 – шесть. Две трети его составили выходцы из областей, не вошедших в состав Греческого королевства. В феврале 1851 г. братство приняло решение о создании военного «Корпуса бессмертных» для выполнения особых уставных целей. Члены корпуса принимали клятву, которой брали на себя обязательство быть в первых рядах бойцов за независимость, провозглашая девиз «Свобода или Смерть». Автор единственной в греческой историографии работы об истории братства В. Сфиреэрас предполагает, что общественный резонанс организации в жизни Афин был достаточно высок, а среди его членов были известные позднее греческие политики¹⁹.

Подробности деятельности тайного общества и его вероятного патрона остаются неизвестными. Однако учитывая резко возросшую общественную активность А. Хрисовери, нетрудно предположить его реакцию на начало очередного русско-турецкого конфликта. Впрочем, в своих настроениях он не был одинок²⁰. Именно предположение о значительном числе желающих выступить на стороне России привело А. Хрисовери в 1853 г. в Санкт-Петербург, где он каким-то образом заручился поддержкой относительно своей роли в формировании добровольческого корпуса. Надежды его, однако, не оправдались, и в течение всей последующей кампании ему пришлось довольствоваться вторыми ролями, оставляя за собой право на критику и личный героизм независимо от тех благоприятных или неблагоприятных условий, в которых ему приходилось действовать. Все это достаточно подробно освещает сам А. Хрисовери в своих воспоминаниях о событиях 1853–1856 гг.

Не располагая точными сведениями об армейской деятельности А. Хрисовери, можно, однако, очертить основные этапы его военной карьеры на основании его собственных заявлений в издаваемых им сочинениях. Так, в 1846 г. он подписывает одну из статей, будучи еще в звании старшего лейтенанта (υπολοχαγός), а годом позже, в другой статье, он уже капитан (λοχαγός). В период формирования греческого легиона в Бессарабии он подполковник (αντισυνταγματάρχης) и, видимо, пребывает в этом звании до окончания войны и даже позднее, в 1866 г., в Киеве, подписывается как подполковник. Поскольку в воспоминаниях, оконченных в 1882 г., он называет себя полковником (συνταγματάρχης), следует предположить, что соответствующий приказ был издан во время его службы в российской армии или в связи с выходом в отставку.

По окончании Крымской войны А. Хрисовери, вероятно, воспользовался данными всем волонтерам льготами для дальнейшей воинской службы или проживания в России. Во всяком случае, в 1866 г. он находился в Киеве, где были написаны предлагаемые вашему вниманию автографы, а в 1882 г. в Одессе, где были написаны и изданы его воспоминания о Греческом легионе. В этом приморском городе, в котором прошли его юные годы, 27 декабря 1889 г. закончилась беспокойная жизнь бойца, поэта, историка и отчасти авантюриста Аристиды Хрисовери. Погребение героя состоялось двумя днями позже на Старом христианском кладбище²¹ неподалеку от могил его более известных соотечественников²², столь же честно служивших России.

Когда и каким образом попали в рукописные фонды НБУВ несколько листов, заполненных рукой Аристиды Хрисовери, неизвестно. Исходя из особенностей истории формирования корпуса греческих материалов в ИР НБУВ, можно предположить следующие пути поступления. Первый представляется наиболее вероятным. Поскольку в ИР находятся материалы из собрания рукописей Одесского общества истории и древностей²³, легко предположить, что именно в составе этих материалов поступили и несколько листов с записями А. Хрисовери. Естественно, что в этом случае возникает вопрос о местонахождении и других его рукописей, т.е. архива, который до Киева не дошел. Другим возможным путем поступления автографов могли быть какие-то киевские источники, например, учебные или научные центры, тем или иным образом связанные с греческой диаспорой, или частные лица, возможно, преподаватели тех же учебных заведений или иерархи православной церкви.

Автографы были найдены среди других неописанных рукописных материалов в 1992 г. и внесены в инвентарную книгу ф. 72 (Коллекция греческих рукописей) под номером 62. Впервые описаны в каталоге греческих рукописей, изданном в 2000 г.²⁴ Под указанным номером числятся на самом деле два произведения, написанные отдельно одно от другого и, возможно, в разное время. В обоих случаях текст подписан именем Аристиды Хрисовери и воинским званием подполковника. Один из текстов датирован 1866 г. с указанием места написания – Киев, и параллельной подписью по-русски. Другой текст без даты.

Первый автограф, видимо, отражает поэтическую и эмоциональную реакцию А. Хрисовери, что называется, на злобу дня²⁵.

Покушение на жизнь императора Александра II 4 апреля 1866 г. побудило подполковника создать восемь четверостиший о чудесном спасении помазанника, личное знакомство с которым в период Крымской войны несомненно сыграло свою роль в рождении этого поэтического экспромта. Текст записан на замечательном орнаментальном бланке венской печати с изображением августейшей четы, Киевского университета Св. Владимира, Астрономической лаборатории Университета и Киевского Златоверхого Михайловского собора. Как и большинство поэтических произведений А. Хрисовери, это стихотворение написано хореем, непопулярным в русской словесности размером, но издавна свойственным греческой речи и поэзии некоторых других народов Европы (ср., например, известное *Stabat Mater dolorosa*...).

Второй автограф озаглавлен «Падение Севастополя. Отрывки из сочинения «Прибытие А. Хрисовери в Россию». Время написания текста, очевидно, должно приходиться на период после окончания Крымской войны и вряд ли совпадало со временем сочинения упомянутой выше истории Греческого легиона. На бумаге, послужившей материалом для текста, находится штамп фабрики Говарда, характерный для 1850-х годов. Поэтому текст можно считать частью сочинения, созданного в конце 50-х – начале 60-х годов XIX в. Было ли в действительности написано сочинение под таким названием, трудно сказать. Во всяком случае, нет причин не доверять самому полковнику, писавшему достаточно много и легко. Что касается данного отрывка, то он не содержит описаний боевых действий или, скорее, отступления российской армии из города в период 28 августа – 2 сентября 1855 г., а представляет собой эмоциональную оценку случившегося со стороны активного участника тех событий: грека, патриота и защитника православия.

Общий культурно-исторический подтекст предлагаемых произведений очевиден. А. Хрисовери предстает перед нами как ярый монархист, пылкий приверженец данного конкретного императора и поборник православия. Все это очень похоже на правду. Хотя в своих «греческих» сочинениях А. Хрисовери нередко выступал против монархии, это носило некоторый формально-национальный характер: многие греки изначально невзлюбили навязанную им королевскую династию, и эта черта была присуща значительному числу подданных королевства в течение всего периода правления наследников Оттона I. Впрочем, это общее и формальное

неприятие чуждой греческому народу формы правления не мешало грекам испытывать теплые чувства к отдельным представителям династии и членам их семей. Изначально другим было отношение к российским самодержцам, с деятельностью которых греки связывали свои надежды на возвращение Константинополя.

Что касается несколько экзальтированной борьбы за православие греческого толка, то это давно стало характерной чертой значительного числа сочинений греческих авторов, впитавших в себя идеи греческого национально-освободительного движения, в большой мере опиравшегося на религиозное сознание народа, воспитанное, в свою очередь, на вековых традициях противостояния с католической Европой. Наконец, напомним и то, что в течение нескольких столетий среди православных Османской империи жила мечта о помощи со стороны единоверного русского народа.

Художественно-образная система публикуемых произведений А. Хрисовери не сложна. Написанные книжным языком тексты по своей природе должны были строиться по шаблонам и нести аллюзии прошедших веков: античные и христианские. Все это без труда увидит внимательный читатель. Осмелюсь предположить определенное художественное и языковое единство обоих произведений, что подводит меня к мысли о том, что оба они могли быть написаны и приблизительно в одно время, а именно – в киевский период жизни А. Хрисовери.

Вниманию читателей предлагаются оба автографа А. Хрисовери в переводе на русский язык с приложением оригинальных текстов на новогреческом. Перевод стихотворения осуществлен главным образом линейным («подстрочным») способом.

Греческий текст представлен в политонической системе, так как он был записан самим А. Хрисовери, с сохранением всех особенностей оригинала. Отклонения от общепринятой классической орфографии и описки автора не комментируются.

1.

Падение Севастополя

(Отрывки из повествования «Прибытие А. Хрисовери в Россию»)

28 августа

В этот день можно было видеть известный и славный очаг православия город-герой Севастополь словно вымершим меж двух

военных лагерей, – вымершим, потому что друзья уже оставили его, а враги еще не смели приступить к его захвату. Говорят, что французы в течение пяти или шести дней не осмеливались ступить своей нечестивой ногой в этот святой город, и это понятно, ибо над городом витала правоверная душа великого императора и благословляла его на упокоение. Да, благословляла его, молвя: «Упокойся, сын²⁶ мой, покорный воле Всевышнего, упокойся, а когда прозвучит голос с Востока и, сбросив оковы, ты отринешь Сатану, тогда и восстань и, обрядившись в свадебное платье, пройди по улицам города, по кварталам, по проулкам его, войди в храмы, посети могилы отцов его, которые осквернила нечестивая рука Сатаны, и освяти все девственной своей чистотой». Да, такие священные слова промолвила душа и, подобно ангелу, посланному с неба, возвратилась с небес к пославшему ее царю. Да, воистину, и враги признавали, что облако огня покрывало город шесть дней. На седьмой же день, в субботу, набросился на Сион род Моавитский, и наполнился святой город воплем рыданий, стенаний и плача²⁷.

2 сентября

После подтверждения скорбного известия о том, что почти весь славный Севастополь захвачен безбожными европейцами, в тот час, когда все, казалось, были погружены в глубокую скорбь, и каждый православный с большой болью переживал душевные страдания, во время того, охватившего всех нас, смятения души мне пришла в голову мысль сложить эпитафию городу-герою, в течение целого года сражавшемуся огнем и мечом. Пусть простят меня наши ученые мужи, блюстители православия, пусть простит меня императорская семья, столь пострадавшая за нашу веру, пусть простит меня славная и героическая императорская армия, оборонявшая столь долгое время город–форпост православия, кровью окропивший святую землю, если не смогу достойно воспеть гибель его.

И пал город Сиона ради возведения храма Господня в сердцах нечестивых. И пал город Сиона ради утверждения царства Божего среди племен и народов нечестивых. Ангел поднимался и спускался в тот день с небес, и все чины Сил Небесных пели «аллилуя», а рука Всевышнего начертала на скрижалях большими буквами «Ты еси царь для всех народов во имя Мое, который унаследует царствие Мое до скончания мира». Да, малое племя Росов, приняв от православного византийского императора, за четыреста лет до

падения царства его²⁸, крещение и поклонение Сыну и Слову Божьему, осуществило столь значительные духовные преобразования, достигло таких успехов, что весь их народ, // национальную веру которого составила греческая вера, был призван Создателем стать ковчегом для сохранения завета Его – не допустить удаления Восточной Империи²⁹ с политической карты.

Воистину, лишь Россия, осознавая, по Божественному сему решению, свое предназначение и неизбежное величие свое, сохраняла по воле Божьей в течение последующих четырехсот лет³⁰ православную веру незапятнанной и непорочной, берегла ее, по небесной заповеди, полных четыре века нетронутой и защищенной от всякого воздействия Сатаны с Запада.

Но сей Сатана, видя, наконец, тщетность своих стараний, а православную Империю все тем же правителем и защитником всех православных, созвал со всех концов земли сатанинских своих друзей, и замыслили они православную погибель. Да, погибель! И вооружились все племена земли и все языки, дабы ввести Сатану в дом Бога нашего. И повели, по сатанинскому тому желанию, свои флоты, армии и хитроумные машины, чтобы уничтожить царство Бога Израиля и осквернить божественную Его веру. Но Бог наш, вездесущий в великодушии своем, обращающий в один миг сушу в море, а море – в сушу, осмеял тщету их и, простирая перст над землею нашей, начертал так: «Царство мое, нечестивые, отдано православным».

Аристид Хрисовери, подполковник

Ἦ ἰ πτώσις τῆς Σεβαστουπόλεως
 Τεμάχια, ληφθέντα ἐκ τῆς ἱστορίας
 “Ἦ ἀνναβασίς τοῦ Α. Χρυσοβέργη εἰς ἰ τὴν Ῥωσσίαν”

28 Αὐγούστου

Ταύτην τὴν ἡμέραν ἔβλεπέ τις τὴν ἡρω ἰ ἰδα πόλιν τῆς ὀρθοδοξίας Σεβαστούπολιν, ὡς περὶ ἰ δοξον καὶ περικλεῖ κείμενον νεκρὸν μεταξύ δύο ἰ ο στρατοπέδων, ὄντινα νεκρὸν οἱ μὲν φίλοι του ἐγ ἰ κατέλειπον, οἱ δὲ ἐχθροὶ δὲν τολμῶσι νὰ ἔλθωσι ἰ πρὸς σύλλησίν του. Λέγεται, ὅτι διὰ πέντε ἡ ἔξι ἰ ἡμέρας οἱ Γάλλοι δὲν ἐτόλμων νὰ πατήσωσι βέ ἰ βηλον πόδα εἰς τὴν ἀγίαν ταύτην πόλιν, καὶ ἀναν ἰ τирρήτως, διότι ἀνωθέν της ἴπτατο ἡ φιλορθόδοξος ἰ ψυχὴ τοῦ μεγάλου Αὐτοκράτορος καὶ ἠύλογει αὐ ἰ τὴν ἐν τῷ κοιμηθῆναι. ἠύλογει αὐτὴν, ναί, λέγου ἰ σα “κοιμήθητι θύγατερ, πιστὴ μέχρι τῆς βουλή ἰ σεως τοῦ ὑψίστου. Κοιμήθητι, καὶ ὅτε

φωνή ἃ | κουσθήσεται ἀπὸ Ἐναντολάς, καὶ ἐκ δυσμῶν ἀπο | τάξεσθαι
 τὸν Σατανᾶ, τότε ἐγέρθητι καὶ περι | βαλοῦσα τὸν χιτῶνα τὸν νυμφικόν,
 περιελθε | εἰς τὰς ὁδοὺς, εἰς τὰς ρύμας, εἰς τὰς στοὰς, περι | ελθε εἰς
 τοὺς ναοὺς του, εἰς τοὺς τάφους τῶν πατέρων | του, ἔνθα ἡ βέβηλος χεῖρ
 τοῦ Σατανᾶ ἐμίανε | καὶ ἁγίασον αὐτὰ σὺν τῇ παρθενικῇ Σου ἀγνότητι.
 | Ναὶ, εἶπε ταῦτα τὰ ἱερὰ λόγια, καὶ ὡς ἄγγελος | ἐξ οὐρανοῦ σταλλεῖς,
 ἀπεπτῶσατο ἐκ τοῦς οὐρανους πρὸς | τὸν ἀποσταλλῶντα αὐτὴν βασιλέα.
 Ναὶ ἄληθεῖς, καὶ | οἱ ἐχθροὶ αὐτοὶ ὁμολογοῦσιν, ὅτι νέφος πυρὸς ἐ |
 κάλυπτε τὴν πόλιν ταύτην ἐπὶ ἕξ ἡμέρας. Τὴν | δὲ ἑβδόμην, ἡμέραν
 τοῦ σαββάτου, καὶ ἐσκίρτη | σαν ἐν τῇ Σιών τὸ γένος τῶν Μωαβιτῶν,
 καὶ ἐσάκου | σαν ἐν τῇ ἁγίᾳ ταύτῃ πόλει σάλπισμα ὀλολυγ | μῶν,
 θράνων καὶ κλαυθμῶν”.

2 Σεπτεμβρίου

Βεβαιωθείσης τῆς λυπηρᾶς εἰδήσεως, ὅτ' ἡ ἔν | δοξος Σεβαστόπολις
 κατελήφθη πλέον ὀλόκληρος ὑπὸ | τῶν ἀντιχριστιανῶν Εὐρωπαϊῶν, ἐν
 ᾧ καιρῷ ὁ κόσμος | ἐφαίνετο βυθισμένος εἰς δάκρυα καὶ ἕκαστος τῶν |
 ὀρθοδόξων ἡμῶν συνεμερίζετο τὸ ψυχικὸν τοῦτο | ἄλγος μετὰ πολλοῦ
 λίαν πόνου, ἐν τῇ τοιαύτῃ | ψυχικῇ ὄλων μας ἀθυμίᾳ μ' ἦλθε κατὰ
 νοῦν νὰ | γράψω ἐπιτάφιον τῆς ἡρωίδος πόλεως, τῆς ὀλό | κληρον ἔτος
 μὲ τὸ πῦρ καὶ μὲ τὸν σίδηρον μα | χησαμένης. Ἄς μὲ συγχωρήσῃ ἡ
 Αὐτοκ | ρατορικὴ οικογένεια, ἡ τοσαῦτα διὰ τὴν ὀρθοδο | ξίαν ὑποστῶσα -
 Ἄς μὲ συγχωρήσῃ ὁ ἔνδοξος | καὶ ἥρωας Αὐτοκρατορικὸς στρατὸς, ὁ
 περιφρου | ρήσας τοσοῦτον διάστημα καιροῦ τὴν πρόμαχον | τῆς ὀρθοδοξίας
 πόλιν καὶ διὰ τοῦ αἵματός του | καταβάνας τὴν ἁγίαν αὐτῆς γῆν, ἐὰν
 ἐπαξίως | δὲν ψάλλω τὰ ἐπικηδεῖά της.

Καὶ ἔπεσεν ἡ πόλις Σιών πρὸς τὸ ὄκοδο | μῆσαι τὸν ναὸν Κυρίου ἐν
 ταῖς καρδίαις τῶν | ἀσεβῶν. Καὶ ἔπεσεν ἡ πόλις Σιών πρὸς τὸ καταρ |
 τῖσαι τὴν βασιλείαν τοῦ θεοῦ ἐν τοῖς ἔθνεσι καὶ | ἐν τοῖς λαοῖς τοῖς
 ἀσεβέσιν. Ἄγγελοι δὲ ἀνέβαι | νον καὶ κατέβαινον ἀπ' οὐρανοῦ
 κατ' ἐκείνην | τὴν ἡμέραν, ἅπασαι αἱ τάξεις τῶν οὐρανίων | ταγματῶν
 ἔψαλλον τὸ “ἀλληλούϊα”, καὶ ἡ ὕψι | στος χεῖρ του ἔγραψεν ἐπὶ
 πινακιδίου κεφα | λαίοις γράμμασι “Σὺ ἔσῃ Βασιλεὺς καὶ πάν | των τῶν
 ἔθνων ἐν τῷ ὀνόματί μου, οὐ κλη | ρονομήσει τὴν Βασιλείαν μου ἕως
 συντελείας | τοῦ κόσμου”. Ναὶ, ἡ μικρὰ φυλὴ τοῦ ρῶς, | δεχθεῖσα τὸ
 βάπτισμα καὶ προσκύνημα τοῦ ἰ | οῦ καὶ λόγου τοῦ θεοῦ παρὰ τῶν
 ὀρθοδόξων τοῦ | Βυζαντίου Αὐτοκράτοραν, πρὸ τετρακοσίων ἐνι | αὐτῶν
 τῆς καταπτώσεως τῆς βασιλείας των, ἔκα | μεν αὕτη τόσης θρησκευτικὰς
 προόδου, τόσα θρη | σκευτικὰ κέρδη, ὡς ὀλόκληρον αὐτῆς τὸ ἔθνος ||

ἀφ' οὗ κατέστησε πλέον ἔθνικὴν τοῦ λατρείαν τὴν ἑλληνικὴν λατρείαν, ἐκλήθη τοῦτο παρὰ τοῦ δι' ἡμῶν καὶ κοιτὶς τῆς διαφυλάξεως τῆς δια ἡθῆς του, ἀπὸ τῆς διαγράψεως ἐκ τοῦ πολιτικοῦ ἡμῶν τῆς Ἀνατολικῆς Αὐτοκρατορίας.

Καὶ ἀληθεῖς, ἡ ρωσσία μόνη, ἐνόησασα ἕξ αὐτῆς τῆς θείας ἀποφάσεως τὸν προωρισμὸν αὐτῆς καὶ τὸ ἀφευκτὸν μεγαλεῖον τῆς, ἐτήρησε τὸ ὀρθόδοξον προσκύνημα κατὰ τὴν θεῖαν βούλησιν ἑτέρους τετρακοσίους ἐνιαυτούς ἄσπιλον καὶ ἄμωμον, ἐφύλαξεν αὐτὸ κατὰ τὴν οὐράνιον τοῦ ἐντολῆν ὀλοκλήρους τέσσαρας αἰῶνας ἄθικτον καὶ ἀπρόσβλητον, ἀπὸ πάσης τοῦ Σατανᾶ ἐκ τῆς δύσεως ἐνεργείας.

Ἄλλ' ὁ Σατανᾶς οὗτος, ἰδὼν ἐπὶ τέλους τὴν ματαίαν αὐτοῦ προσπάθειαν, τὴν δὲ ὀρθόδοξον Αὐτοκρατορίαν κηδεμόνα καὶ προστάτην τῶν ὀρθοδόξων ὄλων, ἐκάλεσαν ἀποπεράτων ἕως περάτων τῆς γῆς τοὺς σαταναίους φίλους του, καὶ ὠμωσαν κατὰ τὴν ὀρθόδοξίαν θάνατον. Ναὶ θάνατον, καὶ ὠπλίσαι τὸ ἅπασαι αἱ φυλαὶ τῆς γῆς καὶ γλῶσσαι, ἵνα καταρτίουσι τὸν Σατανᾶ ἐν τῷ οἴκῳ τοῦ Θεοῦ ἡμῶν. Ναὶ, καὶ προσήγαγον ἐν τῇ Σατανικῇ αὐτοῦ βουλήσει στόλους, στρατοὺς καὶ πολυτέχνους μηχανὰς πρὸς τὸ καταλῦσαι τὴν Βασιλείαν τοῦ Θεοῦ Ἰσραὴλ καὶ βεβηλώσαι τὴν θεῖαν αὐτοῦ λατρείαν. Ὁμῶς ὁ Θεὸς ἡμῶν, ὁ σὺν τῇ μακροθυμίᾳ τοῦ πληρώων τὰ πάντα, ὁ ἐν μὴ ἑστίᾳ τὴν στερεὰν ποιῆ θάλασσαν, τὴν δευτέρα θάλατταν ποιῆ ξηρὰν, ἐγέλασεν ἐν τῷ ματαίῳ τῆς τῶν, καὶ τείνει ἐπὶ τὴν γῆν ἡμῶν δάκτυλον ἐχάραξων ταῦτα· “Ἡ Δεσποτία μου, ἀσεβεῖς, Δέδοται τοῖς ὀρθοδόξοις”.

Ἀριστείδης Χρυσοβέργης ἂντισυνταγματάρχης

2.

Ἡ 4η Ἀπριλίου, ἡμέρα σωτηρίας τῆς Πολυτίμου ζωῆς τῆς Α. Α. Μεγαλειότητος τοῦ τρισεβαστοῦ ἡμῶν Αὐτοκράτορος καὶ Κυρίου

I
Χεὶρ κακούργου ἠτοιμάσθη
Ἐπὶ μαύρης ἐρρινύος
τὴν ζωὴν νὰ ἀφαιρέσῃ
τοῦ Μονάρχου καὶ Σωτήρος

II
Πλὴν ἐξ οὐρανοῦ ὁ πλάστης
Ἄγγελόν του ἀποστέλλει,
καὶ τὴν χεῖρα τοῦ κακούργου
Ἐν τῷ ἅμα ἀναστέλλει

4 апреля, день спасительный для драгоценной жизни Его Императорского Величества всепочтеннейшего нашего Императора и Господина

I
Рука злодея готова
из черной мести
жизни лишить
монарха и Спасителя

II
Но с небес Создатель
Ангела послал
Руку лиходея
В миг один сдержал

III

Εἰκοσιενὸς καὶ πλέον
Ἑκατομυρίων δούλων
Τὴν παράκλησιν καθ' ὄραν
Ὁ Δημιουργὸς ἀκούων,

IV

Ἔγραψεν ὡς παντοκράτωρ
Στὴν ἀθάνατόν του βίβλον
Μὲ τὴν χειρά του τὴν θείαν
Τοῦ Μονάρχου μας τὸν βίον

V

Ἄδελφοὶ ὅσοι τὴν πίστιν
Τοῦ Χριστοῦ μας προσκυνῶμεν,
Σήμερον εἰς τὸν ναόν του
Μετὰ πόθον νὰ φανῶμεν

VI

Κι' εἰς τὸ γόνυ ὁ καθείς μας
Ἀφοῦ ὡς πιστοὶ σταθοῦμεν,
Τὸ οὐράνιον του θαῦμα
Μετὰ δόξης ἅς ὑμνοῦμεν

VII

“Κύριε καὶ παντοκράτωρ
“Ἐσωσας τὸν Βασιλέα
“τὸν σωτήρα τοῦ λαοῦ του
“Ἀπὸ ἀσεβῆ φονέα

VIII

“Σὲ ὑμνοῦμεν Ἐλεήμων
“Δέσποτα καὶ παντοκράτωρ
“Εὐλογοῦμεν Σοῦ τὸ ὕψος
“Καὶ τὴ κράτος τῶν θαυμάτων“.

Ἀριστείδης Χρυσοβέργης
ἀντισυνταγματάρχης

Κίεβον 1866

III

Двадцати одного и более
миллионов рабов
мольбу ежечасно
слыша, Создатель

IV

Внес как Вседержитель
в бессмертную свою книгу
рукою божественной
монарха нашего жизнь.

V

Братья, вере
Христа поклоняющиеся,
сегодня в храм его
с любовью прийдем.

VI

И на колени каждый из нас
как верные станем
и чудо небесное
со славой воспоем:

VII

«Господи и Вседержитель,
Ты сохранил царя
спасителя народа своего
от нечестивого убийцы.

VIII

Тебя славим, милостивый
Владыка Вседержитель,
Благословляем Твою высоту
и державу чудес».

Α. Χρισοβερι υποπολκωνικ

Κίεβ 1866

Константин Хаджи-Георгиу

В начале 90-х годов прошлого столетия в одной из моих ранних работ, посвященных греческим документам в Институте рукописи НБУВ, я привел греческий текст одного очень любопытного заявления (ф. V, 3654)³¹, о происхождении которого я в то время

Рис. 2. Аристид Хрисовери. Стихотворение, посвященное чудесному спасению императора Александра II. Автограф. ИР НБУВ, ф. 72, № 62, л. 1.

мог судить лишь на основании самого содержания документа, не подписанного заявителем и, на первый взгляд, неполного. Речь шла скорее о черновой заготовке заявления неизвестного о готовности его господина перейти на службу к российскому императору Алек-

сандру I. Об установлении личности заявителя и его господина тогда можно было только гадать. Много лет спустя, в Афинах, во время подготовки к изданию в Греции одной из работ Г. Арша³², среди предложенных им к публикации документов я встретил русский текст, почти дословно повторяющий знакомые мне выражения из киевского документа. Сравнение обоих текстов определенно свидетельствует о том, киевский является греческим оригиналом того заявления, которое было передано российским властям уже в переводе. Приведу, однако, греческий текст документа, соблюдая по мере возможностей, все особенности его написания:

εγω ο κατοθεν ηπογεγραμενος εμοισεψα απο τα ηοαννενα | στης δεκαπεντε νοεβριου με τεληαν πλεριεξουσηοτητα | δηα να πηγενο ης την πετροπολην κε να εμφανησθο ης τον κοτε | καποδηστρια προς τον οπην να φανεροσο οτη ο βεζιρ каφεν[της ...] | τε μου προσπηπτι ης τους ποδας του μεγαλου αυτοκρατορος της ρουσηας | κε τον προσφερι τα καστρα κε ολους τους τοπους οπου αυτους με ασπρα τα αγορασε | κε με πολεμον τα εκερδεσε κε οτη παρακαλι θερμος να τον δεχτη | ο μεγας αυτοκρατον ης την προστασηαν του κε ος προς δουλον της | μεγαληοτιτος του να δοσι προσταγας τας οπης θελι εκπληροση | μεχρι εματος το οπην ηνε ετημος να χισι δητον αυτοκρατορα | αλεξανδρον.

Я, нижеподписавшийся, отбыл 15 ноября из Иоаннины, обладая всеми полномочиями, с целью направиться в Петербург и предстать пред графом Каподистрия для заявления о том, что везирь и господин мой, припадая к стопам Великого Императора России, преподносит ему крепости и все земли, которые он приобрел за деньги или захватил силой, и горячо просит Великого Императора взять его под свое покровительство и как рабу Его Величества отдавать приказы, которые он будет выполнять до крови, которую готов пролить за Императора Александра...

Подробности составления этого греческого текста были мне не известны, но время написания заявления определенно приходилось на период пребывания графа Иоанна Каподистрии (1776–1831) в Петербурге в должности секретаря (теперь говорят – заместителя министра иностранных дел, что не совсем точно). Формально этот период был достаточно долгим, с 1809 по 1821 год, и, поскольку в течение всего этого времени наблюдалась уже привычная греческая эмиграция в Россию, в которой И. Каподистрия

принимал посильное участие (в зависимости от статуса эмигрантов), я предположил, что и в данном случае речь идет о переезде в Россию какого-либо далеко не бедного грека. Конечно, ссылка на замки и земли несколько смущала, но чего только не скажешь ради скорейшего устройства при дворе. Как оказалось, все обстояло значительно серьезнее. В работе Г. Арша упомянутый документ, повторяющий основные тезисы греческого текста, составлен на основании устных показаний грека Константина Хаджи-Георгиу, сделанных от имени Али-Паши Яннинского (1741–1822). Вот текст этого документа:

«Я отправился от Али Паши в Санкт-Петербург с полной доверенностью 15 ноября 1820, имея поручение донести, что Али Паша, повергая себя к стопам Его Императорского Величества, приносит в дар все крепости и места, покупкою и оружием приобретенные, равно просит принять его в Высокое покровительство и объявить ему всемилостивейшую волю, которую он выполнять будет до последней капли крови, жертвуя охотно жизнью своею для государя императора.

Письменного о сем поручения я не имею, но снабжен был бланкетами с приложением печати и подписом Али Паши, с тем, что если Его Императорскому Величеству угодно будет снизить на жертву сию, то в бланкетах сих приказано мне внести все то, что и как приказано было бы.

Бланкеты сии и деньги на путевые издержки отобраны у меня в проезд мой чрез Букарест покойным князем Александром Суцо, который приказал отправить меня чрез Фокшаны в Брашов, но тамошний исправник доставил мне средство спасти себя. Явясь к российскому консулу в Яссах, я отправлен был в Кишинев».

Такой документ со слов посланника Али-паши составил в Кишиневе наместник Бессарабской области генерал-лейтенант И.Н. Инзов (1768–1845). Он датирован 31 марта (12 апреля) 1821 г. и был приложен к отношению И. Н. Инзова к графу И. Каподистрии от 5 (17) апреля того же года, в котором он сообщал, что эмиссар Али-Паши будет отправлен назад³³. Действительно, еще ранее, 13 (25) марта И.Н. Инзов получил из Санкт-Петербурга отношение, запрещающее Константину Хаджи-Георгиу следовать дальше и предписывающее ему изложить на месте о цели своей миссии. Похоже, что интрига с поездкой посланца паши с особой секретной миссией к государю Александру I отслеживалась соответствующими

службами, которые вносили свои коррективы в ее исполнение. При этом сдержанная позиция И. Каподистрии вполне объяснима, так как появление в Санкт-Петербурге никому не известного грека с доверенностью самого Али-паши и требованием аудиенции у государя привела бы, в лучшем случае, к политическому скандалу. Менее очевидны мотивы действий того, кто пытался остановить посланца – господаря Валахии в 1818–1821 гг. Александра Суцу (1758–1821)³⁴.

Следует заметить, что посланник находился в пути неоправданно долго, и, начиная с 15 ноября, заявленного в документе, до момента его подачи произошли события, коренным образом изменившие расстановку сил и судьбу всех участников этой интриги с заявлением. Ведь все это происходило на фоне разгоравшегося выступления греков против турецких властей, осуществлявшегося первоначально на двух основных фронтах: с 23 февраля со стороны Бессарабии под началом Александра Ипсиланти (1792–1828) и с 25 марта на Пелопоннесе, где священную войну провозгласил митрополит Патрский Герман. Эти события не могли не повлиять не только на рядового исполнителя поручения, каковым являлся Константин Хаджи-Георгиу, но и на самого Яннинского пашу, а также императора Александра I и, конечно, всех тех, кто оказался на пути посланника. Задержание посланца и, возможно, разговор с Александром Суцу могли произойти лишь до 18/19 января 1818 г., т.е. того дня, когда господарь Валахии внезапно умер. Можно предположить, что прибытие Константина Хаджи-Георгиу в Бухарест в первой половине января уже совпало с какими-то событиями, способствовавшими обостренной реакции местных властей, точнее их соглядатаев, которые и задержали Константина Хаджи-Георгиу. Наличие у него документов, свидетельствовавших о связях с мятежным пашой, могло показаться одинаково подозрительным как для лояльных к Порте правителей Молдовлахийских княжеств, так и для сочувствующих эпирским грекам местным старожилам греческого происхождения. Был ли сам князь Александр Суцу противником Али-паши, этеристов или просто хотел выслужиться перед султаном, судить трудно. Так или иначе, но случай уберег Константина Хаджи-Георгиу от дальнейших злоключений, и он смог на время продолжить свою миссию. В Кишиневе, однако, ему предложили изложить свое дело письменно и отправляться обратно. Результатом, очевидно, и был приведенный выше документ, в ко-

тором записано то, что должен был передать посланец российскому самодержцу.

Текст заявления, по всей видимости, был написан самим Константином Хаджи-Георгием. Если бы он диктовал заученные им слова писцу или вез записку с собой, то и в одном и другом случае имел бы место их несколько иной, более совершенный, с точки зрения грамматики, вид. Дошедшая же до нас форма записки указывает на типичный для того времени уровень грамотности – как раз тот, которым и мог обладать посланник. Секретный характер миссии объясняет и отсутствие в записке имен заявителя и его сюзерена, прозвучавших лишь в устном сообщении, тогда как греческий текст заявления был переведен слово в слово и включен в донесение И.Н. Инзова к И. Каподистрии. Составителем же или подлинным автором сохраненных таким образом слов мог быть либо сам Али-паша, либо кто-нибудь из его ближайшего окружения – из числа тех лиц, кто, собственно, и разрабатывал планы союза с Россией. Языком этих тайных планов в не меньшей мере, чем турецкий, был новогреческий. Поэтому не лишена права на существование мысль о том, что история сохранила для нас именно те греческие слова, которые просил передать Александру I мятежный Али-паша из Яннины.

Наличие греческого оригинала документа в ф. V ИР НБУВ объяснить несложно: фонд хранит значительное количество самых разнообразных документов из Бессарабии и Южной России, содержащих немало фактов из истории народов Юго-Восточной Европы. Как показывает данная заметка, далеко не все они заняли свое место в историографии и таят еще немало удивительных посланий потомкам. Одним из таких посланий являются и произнесенные кем-то осенью 1820 г. в Яннине и заученные Константином Хаджи-Георгию греческие слова, материальное воплощение которых вновь побудило меня взяться за перо в попытке отследить происхождение одного из сотен греческих документов, хранящихся в ИР НБУВ.

¹ Διογένης ἡ Ἐνεστώσα κατάστασις τῆς Ἑλλάδος. Ποίημα συνταχθὲν παρὰ τὸν Ἀριστείδη Χρυσοβέργη. – Ἐν Ὑδρα, 1836. – [2], 45, [1]. Сюжет поэмы банален и всецело подчинен критическим идеям автора: Диоген, путешествуя по постреволюционной Элладе, отмечает недостатки ее общественного устройства и, естественно, очередной обман населения.

² Об Аристиде Хрисовери как одном из трех греческих поэтов Одессы упоминает известный исследователь истории греков в этом городе

Κωνσταντίν Παπουλίδης в книге “Греки Одессы”: *Παπουλίδης Κ. Οι Έλληνες της Οδησσοῦ*. – Αθήνα, 1999. – Σ. 134–137. В книге приведена библиография произведений А. Хрисовери и ссылки на его рукописи в российских архивах.

³ *Χρυσοβέργης Α. Η Έλληνική Έπανάσταση*. – Έν Έρμούπολη, 1853. – 80 [3] σ. (Переиздана в Афинах к 150-летию революции в 1971 г.). Книга не лишена интереса, хотя написана также малосвязно и многословно, как и другие произведения А. Хрисовери. Работа имеет скорее публицистический, чем исторический характер, уделяя более внимания критике руководителей революционно-освободительного движения и правительства, чем событиям революции.

⁴ *Αυγητίδης Κ. Εθελοντικά στρατιωτικά τμήματα από Έλληνες της Ρωσίας κατά της Οθωμανικής αυτοκρατορίας πριν και μετά το 1821. Στα 200 χρόνια (1794–1994) από την ίδρυση της Οδησσοῦ*. – Αθήνα, 1993. – Σ. 152–156. Впрочем, повествование К. Авгитидиса о событиях в устье Дуная основано на русских источниках, см.: *Петров А.Н. Война России с Турцией. Дунайская кампания 1853–1854 гг.* – СПб., 1890. – Т. 1–2. Подвигу греческих волонтеров 26 июня 1854 г. посвящены также три тоновых литографии в 25-м номере «Русского художественного листка» В. Ф. Тимма за 1854 г., на которые также ссылается К. Авгитидис.

⁵ *Тарле Е.В. Крымская война* : В 2 т. – М. ; Л., 1941–1944.

⁶ *Пряхин Ю. Греческие волонтеры в Крымской войне (1853–1856 гг.) // Греки и славяне*. – Донецк, 1997. – Вып. 1. – С. 32–42; *Κιβοβσκίη Α. Λεγιόν императора Николая I. Греческие волонтеры в Крымскую войну 1853–1856 // Военный сборник. Статьи и публикации по российской военной истории до 1917 г.* – М., 2004. – С. 96–101; *Πορτραίτ Α. Χρισοβερι помещен в известном альбоме П.Ф. Рерберга: Рерберг Π. Φ. “Севастопольцы”*. Сборник портретов участников 349-дневной обороны Севастополя в 1854–1855 годах. – СПб., 1903. – Вып. 1. – С. 24. Стоит упомянуть и некоторые воспоминания участников войны 1853–1856 гг., изданные в Афинах вскоре после описываемых событий: *Γαλιούρης Ι. Απομνημονεύματα της Έλληνικής φάλαγγος του Αυτοκράτορος πασσών των Ρωσσιών Νικολάου του Α΄*. – Έν Αθήναις, 1865. – 40 σ., *Ράμφος Κ. Τα την Έλληνικήν λεγεώνα του Αυτοκράτορος Νικολάου Α΄ την κατά τὸ 1853 ἐν Μολδοβλαχία συστηθεῖσαν φορώντα*. – Έν Αθήναις, 1867. – κδ΄, 16 σ.

⁷ *Пряхин Ю. Греческие воинские формирования в Северном причерноморье, в Приазовье, в Крыму: история создания; повседневная и боевая деятельность (конец 18 – середина 19 веков) // Україна – Греція: історія та сучасність : Тези Міжнар. наук. конф. (м. Київ, 29–30 верес. 1993 р.)*. – К., 1993. – С. 120–123.

⁸ Начиная с момента формирования легиона в Бессарабии им руководили И. Саллас, Г. Паппафанасопуло и П. Мурузи.

⁹ *Χρυσοβέργης Α. Ιστορία της Έλληνικής λεγεώνας. Όλίγαι λέξεις περί*

τοῦ σώματος τῶν ἐθελοντῶν Ἑλλήνων καὶ μετὰ ταῦτα Ἑλληνικὴ λεγεὼν Αὐτοκράτορος Νικολάου τοῦ Πρώτου. Ἱστορικὴ διήγησις συνταχθεῖσα ὑπὸ τοῦ συνταγματάρχου τοῦ Ἀριστείδου Χρυσοβέργη ἐν Ὀδησσῷ 1882. – Ἐν Ὀδησσῷ, 1887. – Τ. 1. – 50 σ., Ἐν Ὀδησσῷ, 1888. – Τ. 2. – 76 σ.

¹⁰ Прямо об отказе 93 легионеров пятой роты продолжать оборону Севастополя и последовавшем 21 марта 1855 г. снятии всех легионеров с позиций пишет лишь сам А. Хрисовери. Другие исследователи предпочитают говорить об отдельных инцидентах и общих дисциплинарных проблемах, действительно имевших место в течение всего периода пребывания формирования в зоне боевых действий. Сам А. Хрисовери отказался подчиниться приказу и продолжал успешно воевать в рядах русской армии на Малаховом кургане вплоть до ранения 18 августа 1855 г., после чего был доставлен в Симферополь.

¹¹ *Σφυρόερας Β. Β.* Ἡ Ἀδελφότητα τῶν Εὐαγγελιζομένων, μυστικὴ ἐπαναστατικὴ ὀργάνωση τοῦ 1849 // Ἐπιστημονικὴ ἐπετηρὶς τῆς Φιλοσοφικῆς Σχολῆς τοῦ Πανεπιστημίου Ἀθηνῶν. Περίοδος δευτέρα. – Τ. ΚΗ'. – 1972–1975. – Ἐν Ἀθήναις. – Σ. 204–236.

¹² Архивы этого уникального учебного заведения, существовавшего около 100 лет, не сохранились. Наиболее полно начальная история училища освещена в работе Г. Л. Арша, см.: *Арш Г. Л.* Греческое коммерческое училище Одессы в 1817–1830 гг. (Из истории новогреческого Просвещения) // Балканские исследования. Вып. 10. Общественные и культурные связи народов СССР и Балкан. XVIII–XX вв. – М., 1987. – С. 31–62.

¹³ *Αυγητίδης Κ.* Εθελοντικά στρατιωτικά τμήματα ἀπὸ Ἑλλήνες τῆς Ρωσίας κατὰ τῆς Ὀθωμανικῆς αυτοκρατορίας πριν και μετὰ το 1821. Στα 200 χρόνια (1794–1994) ἀπὸ τὴν ἰδρυση τῆς Ὀδησσού. – Ἀθήνα, 1993. – Σ. 152.

¹⁴ См.: *Арш Г. Л.* Деятельность “Филики Этерия” в России в период восстания Ипсиланти // Новая и новейшая история. – 1969. – № 2. – С. 135–144.

¹⁵ Λόγοι, προσφωνητικοὶ τῆς δίκης καὶ καταδίκης τοῦ Ἀριστείδου Χρυσοβέργη, συνταχθέντες ὑπὸ τοῦ αὐτοῦ ἐν τῷ νοσοκομείῳ Ἀκροναυπλίας τῆ α' Νοεμβρίου τοῦ ἔτους 1835. – Ἐν Ναυπλία, 1838. – 16 σ.

¹⁶ Речь шла о поселениях беженцев из Македонии и Фракии в Аттике. См.: *Σφυρόερας Β. Β.* Указ. соч. – С. 215–216.

¹⁷ В оригинале “εὐαγγελιζομένων”, что довольно сложно перевести на русский язык, поэтому пришлось прибегнуть к окказионализму, вполне понятному для носителя русского языка, благодаря названию известного праздника Благовещения (по-гречески “Εὐαγγελισμός”).

¹⁸ См.: *Σφυρόερας Β. Β.* Указ. соч. – С. 204–236. Именно документы этой организации отвечают на вопросы, связанные с местом рождения Аристида Хрисовери и его общественными взглядами.

¹⁹ См.: *Σφυρόερας Β. Β.* Указ. соч. – С. 217–220.

²⁰ *Παπαδόπουλος С.* Отношение греков к России в период Крымской войны (1853–1856) // Балкан. исслед. – М., 1989. – Вып. 11. – С. 87–94.

²¹ Об этом свидетельствует запись в Метрических книгах Греческой Троицкой церкви, оставленная протоиереем Ангелом Пефани. См.: ГАОО. – Ф. 37. – Оп. 143. – Л. 126 об.–127.

²² *Дивный И.В.* Страницы военного некрополя старой Одессы : Биогр. справ. – К., 2000. – Кн. 2. – С. 78–79.

²³ О начальном этапе деятельности Общества см.: *Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). – СПб., 2002. – С. 108–120. Об археографических изысканиях членов ООИД подробно писал В. Хмарский, см.: *Хмарський В.М.* Археογραφічна діяльність Одеського товариства історії і старожитностей. – Одеса, 2002. – С. 400 с.

²⁴ *Чернухін Є.* Грецькі рукописи у зібраннях Києва : Каталог.– К. ; Вашингтон, 2000. – С. 198–199.

²⁵ В упомянутой книге К. Папулидиса речь идет о другой, но столь же эмоциональной реакции Аристида Хрисовери на весть о заключении мирного договора между Россией и Турцией в 1879 г., воплотившейся в 64 четверостишьях, отосланных автором на имя императора Александра II.

²⁶ В оригинале “дочь”, но в русском тексте произведена вынужденная замена в соответствие с мужским родом слова “город”. Дальнейший текст не совсем ясен для “не греческого” читателя, не приученного с древнейших времен к персонификации и одушевлению городов, рек, морей, деревьев и т.п. Следует полагать, что сочиненное автором обращение направлено к душе города, которая со временем восстанет и пройдет по его улицам, переулкам и т.д.

²⁷ Очевидная аллюзия на Плач Иеремии, но, с другой стороны, использование названия народа Моавитов, давних соперников Израиля, как символа нечестивых, достаточно банально. Столь же ожидаемо и использование названия одного из иерусалимских холмов – Сиона, в качестве символа захваченного города.

²⁸ Автор не точен: Константинополь пал 29 мая 1453 г., стало быть, дата крещения Руси либо ему неизвестна, либо не имеет для него принципиального значения.

²⁹ Прямой намек на преемственность Восточной римской империи, т.е. Византии, и Российской империи.

³⁰ Здесь, напротив, заметна точность отсчета, которая, похоже, и привела к нарушению его в предыдущем случае, поскольку автора увлекла мнимая хронологическая симметрия.

³¹ Первая публикация текста: *Чернухін Є.К.* Грецькі акти в рукописних зібраннях ЦНБ ім. В. І. Вернадського АН України // Рукописна та книжкова спадщина України. – К., 1993. – Вип. 1. – С. 225. Археογραφическое описание документа см.: *Чернухін Є.* Грецькі рукописи у зібраннях Києва : Каталог. – С. 241.

³² Η Ρωσία και τα πασαλίκια Αλβανίας και Ηπείρου. 1759–1831. Έγγραφα

ρωσικόν αρχαίων / Έκδοση-Επιμέλεια: Γρηγόρης Α. Αρς – ΚΝΕ/ΕΙΕ – Ινστιτούτο Σλαβικών Σπουδών – Ρωσική Ακαδημία Επιστημών. – Αθήνα, 2007. – 365 σ.

³³ ГАРФ. – Ф. 1165. – Оп. 2. – Д. 156. – Л. 9–10.

³⁴ Александр Суцу ранее (с 10 июля 1801 г. по 1 октября 1802 г.), сразу же после Константина Ипсиланти (1750–1806), занимал престол молдавского господаря и трижды валашского. Во время описываемых событий на молдавском престоле находился племянник князя Александра – Михаил Суцу (1784–1864), также недолго занимавший это почетное место: с июля 1819 по 10 апреля 1821 г. Оба были последними фанариотами на престолах Придунайских княжеств.

Summary

Three Greek autographs from the depositories of the Institute of Manuscripts of the V.I. Vernadsky National Library of Ukraine are investigated in the article. Two of them (IM VNLU, col. 72, 62) were written by Colonel Aristid Khrysovergis (1809 – 1889), born in Mesirdia and grown in Odessa, participant of the Greek Independence War (1821–1829) and later, in 1853, a Greek volunteer in the war campaign of 1853–1856. The first document bears the title of “The Fall of Sebastopol. Extracts from the story “The Arrival of A. Khrysovergis in Russia” and is a kind of epitaph to the city abandoned by its defenders on 8 August 1856. The second one is an eight quatrains poem commemorating the salvation of the divine life of Emperor Alexander II from the assassinate attempt on 4 April 1866.

The third autograph (IM VNLU, col. V, 3654) is an incomplete petition with a request of adopting the bearer under the protection of the Russian Empire. A comparison of the Greek text with the Russian one in the relation of Lieutenant-General I. N. Inzov to Count I. Capodistria of 5 (7) April 1821, put down after an oral account of Constantine Khadzi-Gheorghiou, the envoy of Ali-Pasha (Тепелин), leads to a conjecture that the Greek autograph is the text written by Constantine Khadzi-Gheorghiou himself for I. N. Inzov to be translated. It is dated by 31 March (12 April) 1821 and was attached to the relation.

All the three autographs have supposedly come to Kyiv as a part of the manuscript collection of the Odessa History and Antiquities Society in 1945.